

М. Н. ТИХОМИРОВ

Где и когда было написано „Слово о погибели русской земли“

Литература, посвященная „Слову о погибели Русской земли“ довольно обширна и тем не менее история возникновения „Слова о погибели“ еще неясна. Правда, все более начинает господствовать мнение, что „Слово о погибели Русской земли“ возникло уже после нашествия монголов на Русь. Такую мысль высказывал уже Х. М. Лопарев,¹ открывший текст „Слова“ в сборнике Псково-Печорского монастыря XV в. В разных вариациях она повторяется и другими авторами, например Н. И. Серебрянским² и В. М. Истриным.³ Последний прямо пишет, что „Слово“ возникло под непосредственным впечатлением „второго нашествия татар и окончательного порабощения ими русской земли“.

Та же мысль высказана и в „Истории русской литературы“. В. Л. Комарович — автор параграфа, посвященного повестям об Александре Невском, — включил „Слово“ в состав этих повестей. При этом автором названной статьи были объединены в одно произведение и „Слово о погибели...“ и так называемое особое житие Александра Невского, — памятники различные и в рукописях мало связанные друг с другом.⁴ Надо сказать, что по статье в „Истории русской литературы“ крайне трудно судить о „Слове о погибели Русской земли“ как литературном памятнике. В конце концов остается впечатление, что „Слово“ было заурядным произведением XIII в., чуть ли не компилятивного характера. Даже многочисленные географи-

---

¹ Х. Л о п а р е в. „Слово о погибели Руския земли“, вновь найденный памятник литературы XIII века. Памятники древней письменности, 1, XXXIV. 1892, стр. 9.

² Н. С е р е б р я н с к и й. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, стр. 205 и сл. — По изданию Серебрянского (см. приложение, стр. 109) нами будет цитироваться текст „Слова“.

³ В. М. И с т р и н. Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922, стр. 239.

⁴ История русской литературы, т. II, ч. 1-я. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 53.

ческие термины „Слова“ представлены в виде гиперболизма („гиперболизм географических перечислений“), причем не делается и попытки анализа этого „гиперболизма“. А между тем такой памятник, как „Слово о погибели Русской земли“, заслуживает иной оценки, уже в силу того пламенного патриотизма, который звучит во всех строках этого произведения, прославляющего Русскую землю („о светло светлая и украсно украшена земля Руськая“) в годы ее бедствий. Спрашивается, исчерпаны ли все средства литературно-исторического анализа для установления, более или менее точно, времени появления „Слова о погибели“ как выдающегося памятника русской литературы, нельзя ли как-нибудь объяснить „гиперболизм географических перечислений“ этого произведения, увидеть в этом перечислении не просто сухой перечень, а реальные географические приурочивания, вполне осмысленные автором „Слова“? Нельзя ли, наконец, по-новому поставить вопрос и о происхождении самого „Слова о погибели Русской земли“? Вот те мысли, которые побудили автора данной статьи углубиться в область древне-русской литературы. А как много еще можно сделать в этой области, показывают работы В. И. Малышева,¹ открывшего новый список „Слова о погибели“. Поэтому и пересмотр вопроса о времени возникновения „Слова о погибели Русской земли“ представляется вполне своевременным и законным.

Редко можно найти такое произведение, в котором в нескольких строках было бы дано столько географических названий, как в „Слове о погибели Русской земли“. Автор „Слова“ точно раскрывает перед читателем карту Русской земли в первой половине XIII в. и последовательно называет ее соседей. Он бросает свой взор на эту карту „отселе“, так и не раскрывая перед нами, что это за место, откуда — „отселе“ — он ведет свой обзор русских рубежей. Попробуем последовать за автором „Слова“ и изучить границы Русской земли, так, как они ему представлялись.

Автор начинает свой обзор „отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьяга, где тамо бяху Тоимици погании, и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордвы“. Первая часть этого перечисления почти не нуждается в комментарии. Автор в полном соответствии с действительностью перечисляет западных соседей Русской земли с юга на север. Удивление вызывает только упоминание „чяхов“ или чехов в качестве соседей Русской земли, какими они в XIII в. не были. Уже эта неточность заставляет несколько усомниться в возможности южнорусского происхождения „Слова о погибели“.

Дав перечисление западных соседей Русской земли, автор „Слова“ называет и ее северных соседей. Северная граница Руси идет от

¹ В. И. Малышев. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII века. Тр. Отд. др.-русск. лит., т. V, М.—Л., 1947, стр. 185—193.

Корелы к Устьюгу „где тамо бяху Тоймици погании“. Любопытно, что автор пропускает другие народы, жившие на громадной территории между Корелой, обитавшей по берегам Ладожского озера, и Устюгом, сразу же переходя к поганым тоймичам, местожительство которых устанавливается более или менее точно. Известны две реки Тоймы, впадающие с правой стороны в Северную Двину ниже Устюга: это Тойма Верхняя и Тойма Нижняя. Тойма была уже известна в 1137 г., судя по уставу новгородского князя Олега Святославича.¹ Тойма Нижняя упоминается и в уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1397 г.²

Какие же причины заставили автора „Слова“ упомянуть о „поганых тоймичах“? Кажется, ответ на этот вопрос мы найдем в новгородской летописи. Зимой 1219 г. Семен Емин ходил с 400 людьми походом на Тоймокары, „и не пусти их Гюрги ни Ярослав сквозе свою землю“ (речь идет о князьях Юрии и Ярославе Всеволодичах). Семен Емин вернулся в Новгород, где произошла смена посадников.³ Несколько ниже мы еще остановимся на этом событии, пока же отметим только, что знание „поганых тоймичей“ и связанных с ними событий на далеком Севере изобличает в авторе „Слова“ северянина.

Последуем теперь за автором „Слова“ и далее в его попытке очертить границы Русской земли. От поганых тоймичей он ведет к дышучему морю, от моря к болгарам, от болгар к буртасам, черемисам и мордве. И в этом случае нас поражает необыкновенная осведомленность автора „Слова“. Камские болгары, черемисы (вероятно, чуваша, которых наши источники обычно называют „черемисой“), мордва названы в полном соответствии с географической обстановкой начала XIII в. Автор сохраняет термин „дышучее“ море для обозначения Белого моря и Северного Ледовитого океана. В материалах И. И. Срезневского этот термин оставлен без объяснения, приводятся только две цитаты (из послания новгородского архиепископа Василия о рае и из Задонщины).⁴ А между тем обозначение Северного Ледовитого океана „дышучим морем“ характерно, как раз, для новгородских памятников. Кроме послания Василия, оно упоминается, например, в житии Александра Ошевенского, „монастырь составльшаго на реке Чюреге, близ моря дышущаго окиана, в области же града Каргополя“.⁵ По объяснению одного моряка, долго плававшего в северных морях, „дышучее море“, это море с приливами и отливами, которое вздымается и опускается, как бы дышит, подобно груди человека. Следовательно,

¹ „В Тойме сорочек“. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1935, стр. 471.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, стр. 144.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 260.

⁴ Материалы для словаря древне-русского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 766.

⁵ Рукопись Гос. Ист. муз. Един. собр., № 218. Сб. XVII в., л. 1.

этот термин опять изобличает нам в авторе „Слова“ если не новгородца, то северянина.

Наши наблюдения над географическими терминами „Слова о погибели“ можно продолжить и далее. Среди тех народов, которые бортничали на великого князя Владимира, автор „Слова“ называет буртасов, черемисов, мордву. В подлиннике этот текст звучит таким образом: „буртаси, черемиси вьда и мордва бортничаху на князя великого Володимера“. Буртасы очень часто упоминаются в арабских источниках и, как кажется, совершенно неизвестны русским летописям. Во всяком случае их существование засвидетельствовано целым рядом письменных источников, как и черемисов и мордвы. Но кто это „вьда“ или „черемиса вьда“? Ответ на этот вопрос находим, повидимому, в документе XVI в., где упоминается „Ватцкая мордва“, жившая по р. Пьяне.¹ Следовательно, это одно из племен, которое автор „Слова“ отождествляет с черемисами или мордвой.

Отдельные места „Слова“ ведут нас к событиям совершенно определенного времени, хотя на первый взгляд они кажутся только литературными образами. Такова прежде всего приведенная выше фраза о буртасах, черемисе, вьда и мордвс, которые бортничали на великого князя Владимира и его потомков. По мнению автора „Слова“, это бортничанье черемисы и мордвы относилось к прошлому времени. Действительно, имеются основания думать, что мордва и черемиса находились в зависимом положении по отношению к Всеволоду Большое Гнездо. В 1184 г. Всеволод, возвращаясь из удачного похода на камских болгар, „коне пусти на мордву“.² Эти слова можно было бы понимать, как набег на мордву, но тут же сказано, что сам Всеволод возвращался в лодьях, хотя в его рати был и конный отряд. Поэтому вероятнее думать, что княжеская конница шла через подвластные мордовские земли, как это в середине XVI в. сделала русская рать, двигавшаяся на Казань.

Иные отношения сложились у русских князей после смерти Всеволода. При его сыне Юрии Всеволодовиче война с мордвой приняла большие размеры и не всегда была благоприятна для русских. В 1226 г. войска Юрия победили мордву, но война возобновилась через два года. На этот раз (1228 г.) на мордву ходили Всеволод и Юрий; они вошли в мордовскую землю, разорили Пургасову волость, а мордва убежала в свои городки („тверди“) и глухие леса. Поход на мордву в 1232 г. снова повлек разорение мордовских твердей.³ Эта борьба с мордвой нередко описывается, как непрерывное русское наступление на мордовские земли,⁴ но в действительности было иное. В 1229 г.

¹ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и выписи. Чт. в Общ. ист. и др. Росс., 1902, книга 2-я, стр. 74.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 370.

³ Там же, стр. 426, 428, 429, 437.

⁴ А. П. Смирнов пишет о разгроме мордвы-эрзи в 1228, 1229 и 1232 гг. (А. П. Смирнов. Очерк древней истории мордвы. Тр. Гос. Ист. муз., вып. 9,

мордва осадила Нижний Новгород, построенный за 8 лет до этого при впадении Оки в Волгу, зажгла пригородный монастырь и приступала к городу. Новгородцы отбили это нападение („отбишася их новгородци“),¹ но оно показывает, как далека была мордва от того, чтобы „бортничать“ на русских князьях.

Определенный политический намек находим и в другой фразе „Слова“: „а Литва из болота на свет не выныкываху“. К началу XIII в. относится заметное усиление литовских набегов на Русскую землю. В 1225 г. литовцы воевали Новгородскую землю, „и около Торопча и Смолинська и до Полтеска“. По образному выражению летописца, была „рать велика зело, ака же не была от начала миру“.² По Лаврентьевской летописи главным героем отражения литовского нападения был Ярослав Всеволодович. Впрочем, и новгородские летописи приписывают эту победу участию Ярослава Всеволодовича, хотя и говорят о событии в какой-то отрывочной и не вполне ясной фразе. Литовские набеги повторились и дальше, в 1229, в 1233 гг. Отношения новгородцев с литовцами были настолько обостренными, что поражение немецких рыцарей при Сауле в 1236 г. вызвало сочувственный отклик летописца („и тако, грех ради наших, безбожными погаными побежени быша“).³

Как мы видим, географические термины автора и его политические намеки ведут нас опять к определенному времени — ко второму-третьему десятилетиям XIII в., к определенным лицам — князьям Юрию и Ярославу Всеволодовичам.

Но в „Слове“ имеются и некоторые черты, которые, как будто, противоречат признанию того, что „Слово“ возникло на севере Руси; это фразы об уграх, о половцах, о Царьграде.

Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны, или, по крайней мере, не были понятны позднейшим пере-

стр. 143 и 145; о и же. Очерки по истории древних болгар, стр. 89—92). — В издании Лаврентьевской летописи 1872 г. текст о походе на мордву издан неверно. Следует читать: „Того же месяца в 14 день великий князь Гюрги, и Ярослав, и Костянтиновичи, Василко, Всеволод, идоша на Мордву, и Муромский князь Гюрги Давыдовичь. Вшед в землю Мордовскую Пургасову волость“. . . В издании слова „Давыдовичь“ и „вшед“ не разделены знаком препинания („Гюрги Давыдовичь вшед“ и т. д., см. стр. 428).

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 429.

² Там же.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 74. — В наших учебниках до сих пор место этой битвы указывается у г. Шавли (История СССР, т. I. Под ред. Б. Д. Грекова и др., ОГИЗ, 1947, стр. 217): „литовцы, жмудь и восставшая земигола нанесли ордену жестокое поражение в битве под Сауле (Шавли, Шауляй)“. Между тем историки Прибалтики давно указывают недалеко от Бауска в Латв. ССР приток р. Аа речку Сауле, берега которой и считают местом битвы. (G. Seraphim. Geschichte Liv- Est- und Kurlands, V. I. Reval, 1897, стр. 98).

писчикам. Так, в „Слове“ появляется неясная фраза о половцах („деду его Володимеру и манаху, которым то половоци дети своя ношаху в колыбели“). Прозвище Владимира — „Мономах“, столь часто упоминаемое в Ипатьевской летописи, было переименовано на более понятного монаха, а текст о половцах, видимо, звучал первоначально так: „которым то половоци дети своя полошаху в колыбели“. В Ипатьевской летописи, как раз, и находим параллель к нашему месту о половцах: „воеводы лядьскыи сами полошахуть и, абы не взяти города“.¹ Выражение „абы не взяти города“ целиком соответствует фразе „Слова о погибели“: „и жюр Мануил Цесарегородскый, опас имея... абы под ним великый князь Володимер Цесарягорода не взял“.

Интерес к Владимиру Мономаху у автора „Слова“ можно было бы объяснить тем, что Владимир был предком „нынешняго“ Ярослава и брата его Юрья, но неясно, почему „Слово“ вспоминает о далеких угрох (венграх), если предполагать, что оно было написано на севере Руси. Ответ и на этот вопрос мы найдем в новгородских событиях начала XIII в. Знаменитая битва на Липице повела к временному ослаблению двух князей братьев — Юрия и Ярослава Всеволодовичей, действовавших вместе против старшего брата Константина и поддерживавшего его князя Мстислава Мстиславича Удалого. После победы на Липице (в 1216 г.) Мстислав недолго сидел в Новгороде и уже в 1218 г. захотел „поискати Галиця“. В Новгороде остался княжить его сын Святослав, при котором и произошел поход Семена Емина на Тоймокары, окончившийся восстанием в Новгороде. Покинув Новгород, Мстислав подошел к Галичу, „и выидоша галицяне противу и Чехове и Ляхове и Морава и Угре“, произошел бой, окончившийся победой Мстислава. На некоторое время между Галичем и Новгородом установились оживленные сношения. Сведенный новгородский архиепископ Антоний получил от митрополита епископию в Перемышле в Галицкой земле.² Таким образом создались условия, при которых южнорусская письменность легко могла проникнуть на север. Участие же в борьбе против Мстислава чехов объясняет нам, почему „Слово“ делает чехов соседями Русской земли.

Уход Мстислава в Галич привел к перемене в новгородской политике, тем более, что Константин Всеволодович уже умер, и великим князем владимирским сделался Юрий. В 1222 г. он посадил в Новгороде своего брата Ярослава. В следующем 1223 г., по новгородской летописи, произошли три печальных события, произведших громадное впечатление на новгородцев. Первым из них было взятие немцами Юрьева. „Убиша князя Вячка Немьци в Гюргеве, а город взяша“, — записал новгородский летописец краткое сообщение о падении Юрьева. Ливонская хроника говорит об этом событии, наоборот, очень подробно, сообщая, что до осады Юрьева немцами эсты призывали к себе рус-

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 615.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 60.

ских на помощь. Это не помогло, и Юрьев был взят немцами, а все его население вместе с князем Вячко перебито. „Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город“, — читаем в ливонской хронике.¹ Таким образом, автор „Слова“, как видим, имел основание вспоминать о далеких временах, когда „немцы радовахуся, далече будуче за синим морем“. Тогда же произошло и другое несчастье („не ту ся зло сотвори“) — литовцы разбили рушан (жителей Старой Руссы).

В том же 1223 г. по летописи, „по грехом нашим“, произошло третье печальное событие — битва при Калке.

К сожалению, изучение редакций и источников повести о Калкской битве до сих пор не сделано.

Нет никакого сомнения, что существовали две повести о битве при Калке — одна, внесенная в Новгородскую Синодальную летопись, другая — в Ипатьевскую.

Повесть о битве при Калке в Новгородской летописи выставляет главным действующим лицом Мстислава Мстиславича Удалого. К нему обращается половецкий хан Котян с просьбой о помощи. Мстислав же и объясняет причины, по которым русские князья решили помочь половцам (боязнь присоединения половцев к татарам). В повести говорится и о бегстве Мстислава Мстиславича и о переправе его через Днепр. Среди русских воевод назван Ярун, который был послан с передовым отрядом против татар. В повести нет ни слова упрека русским князьям, а вся вина за поражение складывается на изменивших половцев и бродников, действовавших вместе с татарами.² На всей повести лежит отпечаток того, что она была составлена вскоре после описываемых в ней событий. Точно указывается и дата битвы — 31 мая, на святого Ермия. Повидимому, повесть была составлена в кругах, близких к Мстиславу Мстиславичу Удалому. Обратим внимание на то, что упоминаемый в повести Ярун — несомненно, тот же воевода Ярун, который вместе с Мстиславом удачно действовал в 1216 г. против Юрия и Ярослава Всеволодовичей.³ Постоянные связи Мстислава с Новгородом легко объясняют нам появление повести о Калкской битве именно в новгородском летописном своде.

Вторая повесть о Калкской битве, помещенная в Ипатьевской летописи, носит черты более позднего происхождения, хотя и возникла независимо от первой. Главным действующим лицом в ней является Даниил Романович, бывший тогда совсем юным и вовсе не упомянутый

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. Л., 1938, стр. 240.

² Повесть напечатана в издании: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 61—63.

³ Там же, стр. 201.

в первой повести. Основанная на более ранних источниках, эта повесть не могла возникнуть ранее утверждения Даниила на галицком столе (это случилось, примерно, в 30-х годах XIII в.) и имела задачей прославление Даниила Романовича и его брата Василька, о котором сказано: „бе бо в Володимере млад“ (имеется в виду Владимир Волынский).¹

Замечательнее всего, что повесть о Калкской битве была пропущена в Лаврентьевской летописи, отразившей владими́ро-суздальское летописание первой половины XIII в. Впрочем, следы знакомства владими́ро-суздальского летописца с повестью о Калкской битве сохранились. Дав рассуждение о неизвестном происхождении татар, согласно новгородской летописи, владими́ро-суздальский летописатель сообщает краткие сведения о битве и поражении русских князей, добавляя, что по слухам („глаголють бо тако“) одних киевлян погибло 10 тысяч. В заметке о Калкской битве, помещенной в Лаврентьевской летописи, чувствуется какая-то недоговоренность, точно стремление оправдать бездействие северных князей. Летопись говорит, что Юрий послал на помощь южным князьям своего племянника Василька, но „не утяну Василко прити к ним на Русь“. Последние слова заметки о Калкской битве в Лаврентьевской летописи повторяют в сокращении заключительную фразу об общей печали. Более позднее происхождение этой заметки по сравнению с повестью, помещенной в новгородской летописи, обнаруживается в странной ошибке Лаврентьевской летописи, по которой битва произошла 30 мая на мученика Ермия. Между тем память Ермия приходилась не на 30, а на 31 мая, как это и указано в новгородской летописи.²

Калкская битва для русских людей первой трети XIII в. была крупнейшим и печальнейшим событием. „И тако за грехы наша бог вложи недоумение в нас и погыбе много бещисла людей, и бысть вопль и плач и печаль по городом и селом“ — такими словами кончается повесть о битве при Калке в новгородской летописи. Замечательнее

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 495—497.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 423—424. — Дальнейшая история повестей о Калкской битве представляла собой развертывание и дополнение сводной повести, составленной из соединения повестей, помещенных в Новгородской Синодальной и в Ипатьевской летописях. Наиболее древний вариант такой повести, как кажется, надо видеть в повести, помещенной в Академическом или Троицком списке XV в. (Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 477—483). Повесть о Калкской битве, помещенная в Воскресенской летописи (ПСРА VII, стр. 129—132), продолжает только развитие сводной повести. Поэтому ошибочны рассуждения В. Т. Пашуто (Ист. зап., т. 26, стр. 286—287) о тексте повести в Воскресенской летописи, якобы, восходящем к некоему летописному киевскому своду 1238 г. Источники сводной летописи, а она дошла в малоизмененном виде в Воскресенской летописи, восходят к двум сказаниям, помещенным в Ипатьевской и Новгородской Синодальной летописях. Это чрезвычайно легко установить, дав три параллельных текста, что, конечно, не значит, что мы отрицаем существование киевского летописного свода, устанавливаемого В. Т. Пашуто.

всего, что весть о страшном поражении русских при Калке быстро распространилась и по соседним странам. В ливонской хронике Генриха Латвийского говорится о победе татар над половцами (вальвами), которым пришли на помощь русские, о поражении русских и гибели великого короля (князя) Мстислава Киевского, о спасении бегством Мстислава Галицкого и о гибели других 50 князей. Это событие автор хронике не без злорадства сопоставляет с известием о прибытии в Ригу послов смоленского и полоцкого князей, возобновивших мир с немцами.¹ Необыкновенная осведомленность Генриха Латвийского и сходство его сведений с повестью о Калкской битве в Новгородской летописи заставляет предполагать, что русские источники и были использованы ливонским хронистом.

Известно, как битва при Калке отразилась в русской народной поэзии. Калкское поражение представлялось началом бедствий русского народа, грозным предвестием Батыевой рати и порабощения Русской земли татарами. Это отразилось и в той замечательной повести о Калкской битве, которая помещена в Тверской летописи и представляет собой развитие сводной повести. „Зде написахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них. Но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания русских князь попусти бог сему быти“.² Повидимому, вскоре же после Калкской битвы сложены были народные сказания, нашедшие отражение в сохранившихся былинах. Напомним здесь, что эпическая цифра 70 русских богатырей, павших в Калкском побоище, аналогична цифре 50 русских князей, убитых при Калке, по ливонской хронике. В этих цифрах отразились представления современников о размерах бедствия, постигшего Русскую землю. Былины о гибели русских богатырей показывают, что заключение „Слова о погибели Русской земли“ — „а в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго“ могли злободневно звучать после битвы при Калке, когда усилились нападения „поганых“, т. е. немцев и литовцев, от которых больше всего страдала Новгородская земля.

Новгород и был тем „отселе“, откуда смотрел на Русскую землю автор „Слова о погибели“. Поэтому он и называет Ярослава „нынешним“, так как Ярослав утвердился на княжении в Новгороде, примерно, с 1225 г. Поэтому и великий князь Владимирский Юрий в „Слове“ назван просто князем Владимирским, что опять характерно для новгородских летописей, тогда как Лаврентьевская летопись величает своих князей великими. Понятна и осведомленность автора „Слова“ о дышущем море и поганых тоймичах, куда постоянно совершались новгородские экспедиции, о немцах, которые ранее радовались, далече

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 222.

² Эта повесть о Калкской битве (ПСРА, XV, стр. 335—343) — явно ростовского происхождения (см. заключительные слова о Васильке Константиновиче Ростовском, который „взратися в свой Ростов съхранень богом“). В нее и вставлен рассказ о ростовском богатыре Алеше Поповиче.

сидя за синим морем, а теперь приблизились к новгородскому рубежу, об уграх, которые после Калкской битвы уже готовились к захвату Галицкой земли, о литве, ранее не смевшей вылезать из своих болот. „Слово о погибели Русской земли“ возникло еще до Батыевой рати, поэтому в нем и не упоминается о татарах, возникло при жизни Юрия Владимировского и при княжении в Новгороде Ярослава Всеволодовича, „нынешняго Ярослава“, может быть, около 1225 г.

„Слово“ получило относительно большое распространение и было использовано одним из редакторов или составителей жития Александра Невского, как подходящее по своему содержанию и настроению к этому произведению. Явное несоответствие упоминания о нынешнем Ярославе заставило составителей жития приписать слова „о смерти великого князя Ярослава“. В списке, опубликованном В. И. Малышевым, начало памятника было совсем пропущено („Слово о погибели Руския земли о смерти великого князя Ярослава“) и весь текст „Слова“ сделался окончательно предисловием к житию Александра Невского. Поэтому замечание В. И. Малышева, что „во всяком случае в XVI в. это «Слово» сознавалось предисловием к житию, а не самостоятельным произведением“¹ вполне правильно, но это никак не решает вопроса о связи „Слова“ и жития в их первоначальном виде. Несогласованность „Слова“ с житием Александра Невского, в котором даже не сказано, что Александр был сыном „нынешняго“ Ярослава, может быть объяснена наиболее просто, тем, что „Слово“ возникло самостоятельно и безусловно раньше жития Александра. Впрочем, В. И. Малышев считает, что так называемое „Слово о погибели...“ является органической частью (предисловием) именно той редакции Жития Александра Невского, которая известна в двух списках (Псково-Печорском и Гребеншиковском). Последнее исследование Д. С. Лихачева о галицкой литературной традиции в житии Александра Невского² показывает, как много еще надо изучить в области русской культуры XIII в., богатой памятниками русской литературы и народной поэзии, даже в мрачную эпоху татарского ига. „Слово о погибели Русской земли“ было откликом на первую татарскую победу — битву при Калке, при „нынешнем“ Ярославе, подобно тому, как „Слово о полку Игореве“ говорило о „нынешнем“ Игоре.

¹ Труды Отдела древне-русской литературы, V. Инст. лит. АН СССР, т. V. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 187.

² Там же, стр. 36—56, ст. Д. С. Лихачева. — Нельзя только согласиться с автором, что „звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую“ (стр. 49), был митрополит Кирилл. Сношения Новгорода с Галицкой Русью шли и другими путями. О Мстиславе Удалом мы уже говорили. Позже в Новгороде находим Михаила Черниговского. Не забудем, что и Ярослав Всеволодович одно время выступал претендентом на галицкий стол.